

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет вождения №1
- Оскар за убойную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернуться не все
- Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания – многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Коллекция страхов
прет-а-порте

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серий *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Коллекция страхов прет-а-порте : роман /
Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205878-3

Скромная библиотечка Надя уже и думать забыла о юной фотомодели Лере, с которой познакомилась в приемной клиники. А та вдруг позвонила и пригласила на свой показ. Только вместо модных нарядов Надя увидела... труп Лериной подруги Сони. Менеджер девушек Марат коршуном набросился на библиотечку и сходу обвинил в убийстве ее. Но вскоре сменил гнев на милость, когда выгодному иностранному партнеру понадобилась «клуша» как раз Надино типа — рекламировать собачий корм. Будущая звезда экрана явилась подписывать договор, но в кабинете Марата обнаружилось только бездыханное тело хозяина. Теперь уже за девушку взялись всерьез. Есть от чего прийти в отчаяние! Вся надежда на помощь Димы Полуянова, друга детства и не только...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205878-3

ПРОЛОГ

Убийство похоже на шампанское. Ударяет в голову, пенится пузырьками страха. А глаза жертвы — умоляющие, растерянные, жалкие — это закуска. Будто серебряная вазочка с черной икрой. Дополняет вкус дорогого напитка. Перехватываешь последний осмысленный взгляд человека — и в желудке сразу разливается приятное тепло.

Ну, и завершающий штрих — это последние слова умирающей девицы. Они заменяют сигару — ведь так естественно закурить после бокала изысканного шампанского...

— За меня отомстят...

Боже, как скучно.

И вот уже дрожит в последней судороге рот, а крашеные алым ногти в отчаянном броске скребут по кафельному полу.

Братся за пульс не надо — очевидно и так: девчонка мертва.

Красавица, идеал, юные дурочки подражают, мужчины возжелают... Видели бы поклонники ее сейчас. С перекошенным в смертной гримасе лицом, в некрасиво задранной юбке, со слетевшей с ноги бархатной туфелькой.

Убивать оказалось куда вкуснее самой элитной выпивки.

И особенно сладко осознавать, что несносная красавица наконец уничтожена. Растоптана. Усмирена. Утихла навсегда.

ГЛАВА 1

Месяцем ранее
Лера Летягина

Ей было чем гордиться.

94—61—90. Вот это параметры! Как в любовных романах, как в самых красивых голливудских фильмах. Девчонки завидуют, папики дежурят с розами, а молодые парни — посвящают стихи.

94 — это грудь. Самое то, что надо, — и пышность на уровне, и размер не такой уж большой, чтобы отвисала.

61, на один сантиметр больше, чем положено по канону, — талия. Впрочем, если совсем-совсем не есть ни мороженого, ни конфет — то можно и от проклятого сантиметра избавиться. Но Лера не избавлялась. Повторяла притказку: «Может же у меня быть хотя бы один недостаток?» Да и представить трудно, как обходиться совсем без сладенького.

Ну, а последние 90 — это бедра. Крутые, соблазнительные. И, спасибо тренажерам и массажистке, крепкие, без единой, как сама Лера говорила, *вялостинки*. («Ребенок ты еще, — вздыхала мама. — До сих пор слова придумываешь, как от двух до пяти...»)

Официально Лера и считалась ребенком — училась в десятом классе.

Но титулов на конкурсах красоты уже собрала немало. Пусть не «Мисс Россия» и даже не «Мисс Москва» — но четыре призовых места и один даже Гран-при, пусть и не в самых престижных конкурсах, тоже чего-то стоят.

Тем более когда тебе только шестнадцать. Многим ли девчонкам ее возраста уже надевали короны и дарили корзины, полные орхидей?

Правда, Лерин менеджер, Марат, говорил так: «Объемы и мордаха — вот и все, что у тебя есть. Но без мозгов — красота ничто, а с серым веществом у тебя, детка, беда, вся сила в сиськи ушла...»

Лера послушно соглашалась — с Маратом так проще. Пусть мнит себя хоть кронпринцем, хоть Эйнштейном — а она и на роль овцы согласна. Потому что какой с парнокопытного спрос? Никто и не сомневается, что овца — животное послушное и команды выполняет безропотно. А насчет мозгов... Менеджер хоть и мнит себя умным, а еще не понял, что сила красивой женщины — в ее умении прикинуться глупой.

Так что пусть Марат командует — до поры до времени. Пока она не выйдет на такой уровень, что сможет сама выбирать себе менеджера. А до тех пор — остается лишь безмятежно улыбаться в ответ на бесконечные Маратовы приказы и придирки.

Хотя в чем-то менеджер, конечно, прав. Грудь, талия и бедра — действительно ее главное богатство. А еще — глаза («цвета осеннего моря», это Марат придумал так во всех анкетах писать). Волосы — черные, как ночь на юге. Точеный нос. Роскошная улыбка. В общем, пока ни одного мужчины не встречалось, чтобы пасть не разинул, как ее увидит. Вот и пусть разевают — лишь бы руками не трогали.

Даже мама — а она к дочери относилась еще строже, чем даже деспот Марат, — и то, бывало, расчувствуется: — И в кого ты у меня такая красивая?..

И действительно — в кого? У папы на всех фотокарточках — нос картошкой и глазки-щелочки. Да и в маме — обаяние-то, конечно, есть, а вот красоты — ни на грамм.

«Вдруг меня из детдома взяли?» — иногда фантазировала Лера. И представляла себе: роскошный особняк

со спуском к воде, вышколенных слуг, дорогие лимузины — и себя, маленькую девочку, как часть шикарного интерьера... Может, и правда — у нее происхождение особое, благородное? А потом — с ее настоящими родителями что-то случилось? Что-то красивое, например, взрыв на яхте или катастрофа частного самолета — и сказочная Лерина жизнь закончилась... Хотя, с другой стороны, если ее кровные родители были такие богачи — как она могла оказаться в русском детдоме, откуда ее обыкновенные советские мама и папа удочерили?

Так что, наверно, нужно школьной биологичке поверить, которая говорит, что генетика — наука непредсказуемая. И самые примитивные хромосомы вдруг перемешались так, что на свет явилась она — будущая, как втайне надеялась Лера, *Мисс Вселенная*.

Но пока до этого титула далеко. «Набирайся опыта», — велит Марат. «Сначала школу закончи», — занудствует мама.

Ох, школа, школа, кому она нужна?! Давно пора принять закон: учеба есть личное дело каждого. Вон, толстой Нинке с ее физией только и остается, что в библиотеке сидеть, — так пусть и сидит. А Мишка Тюкин обожает с колбами возиться, все руки в ожогах, и ему это нравится — и вперед, кто бы возражал. Но зачем других-то заставлять? Заучивать кучу невнятных формул, из которых почему-то следует странный вывод, что гипотенуза короче двух катетов. Или читать Достоевского с его заморочками — то какой-то «Мертвый дом», то этот Раскольников сумасшедший, вот уж действительно: тварь дрожащая...

Но только от школы, увы, никуда не деться. Тут уж и мамочка, и Марат слились в едином порыве. Бывает даже, что после вечерних показов — посипуй-ка по подиуму с восьми до полуночи на высоченных шпильках! — и то заставляют наутро в школу идти. И никакими жалобами их не проймешь — а ведь давно доказано, что, если регулярно не высыпаться, морщины могут пойти...

— Рано тебе пока о морщинах думать, — отмахивается маман.

— Получи аттестат, а дальше — свободна, как птица в полете, — клянется Марат. — Только, может, на актерское мастерство тебя устрою...

Актерское мастерство — это ладно. Наверняка поинтересней, чем химия. Научат небось, как улыбнуться загадочней да ногу на ногу перекинуть поэлегантней.

Хотя манеры у нее и без того, как говорит мама, врожденные. И почему-то добавляет: «Наша порода!» Хотя какая там у них порода? По маминой линии — сплошь парикмахеры, причем не очень хорошие: по крайней мере, Марат категорически запретил, чтобы кто-то из родственников ей волосы подравнивал, — сам возит в дорогие салоны. Ну а папина семья — как в старом советском фильме, рабочая династия. О таких, наверно, поэт Некрасов писал: «До смерти работает, до полусмерти пьет». Отец от них давно ушел, и Лера с ним не видится — но почему-то не сомневается: папаша по-прежнему заливает глаза, буянит, швыряет о стену тарелки с чашками, и очень хорошо, что теперь это происходит уже не на их крошечной кухне.

— А у тебя, Лерочка, впереди большая и интересная жизнь, — вздыхает иногда мама.

Интересная — это можно. А вот *большая*, до старости, морщин и пигментных пятен, — совсем не обязательно. Какой интерес ходить на сохлых ножках и пить таблетки от радикулита? По большому счету, жизнь — она только до тридцати. А потом — все заканчивается. Только и останется, как Клавке Шиффер, родить бэбика и погрязнуть в пеленках. Смертная скучища.

Главное — все до тридцатника успеть. В будущем году — попасть в финал конкурса красоты журнала «Космополитэн», еще через год — в «Мисс Москву», а потом — можно и на заграничный уровень выходить. А пока — доводить себя до совершенства, в чем Лера пощады себе не знает: спортивный клуб, каждый вечер — маска,

то для лица, то для волос, то для тела, а еще — тренировать перед зеркалом чарующие улыбки и поклоны перед воображаемыми зрителями. В общем, расслабляться некогда. Жить надо торопиться, как говорил писатель Лермонтов. А то оглянуться не успеешь — и красота увяла, глаза потухли, менеджеры разбежались... И что тогда? Ни показов тебе, ни кастингов, ни восхитительных перепалок, как недавно они с Сонькой Перепелицыной друг на дружку орала из-за того, кому первой вечернее платье от «Живанши» примерять.

И пусть Марат тогда обозвал их «глупыми коровами» и платье вообще отобрал, отдал задаваке Ленке, — а все равно польза: после ссоры, настоящей, с криками и пощечинами, и глаза горят ярче, и щеки безо всяких румян пунцовеют, им тогда даже сам главный спонсор, надутый, словно бутылка с минералкой, аплодировал.

А скоро в жизни и вовсе сплошные приятности начнутся — ведь в следующем месяце их с Сонькой обеих в Италию посылают. В школе, правда, учебный год на излете и полно всяких итоговых контрольных — но *моделям их уровня* позволено жить по особому графику.

Контракт на десять показов в Милане, для известного дома моды, тоже пробил Марат. Долго ругался, что обошлось ему это дорого. Пришлось якобы и ОВИР подмазывать — чтоб паспорта побыстрее справили, и поручительство итальянцам писать — будто бы лично он гарантирует, что Лера с Сонькой там, в Милане, на панель не пойдут, и даже вроде вносить какой-то депозит как гарантию их нравственности.

— Я за вас поручился, козы, — хмуро предупредил менеджер. — Так что посмейте только загулять. Из своих гонораров штрафы платить будете.

— Да врет он все! И... еще... третирует нас, вот! — шепотом просвещала Леру Сонька. — Наоборот: это итальяшки отвалили ему за нас кучу бабок! И гулять в Милане никто нам не запретит. Там знаешь мужики какие, не чета нашим. В кроссовках сроду никто не ходит. Все, как

один, — мафия, в «Гуччи» с «Армани», и волосы гелем укладывают!

Сонька Перепелицына — девчонка ушлая, о чем ни спроси — все знает. И параметры у нее — почти не хуже, чем у самой Леры. Нос только подкачал, с горбинкой, и Марат каждый месяц с ее заработков по сто долларов вычитает — говорит, что откладывает на пластическую операцию и вроде бы в конце лета, когда показов мало, запрет Соньку в клинику, чтоб ей там шнобель подкорректировали.

Сонька из-за носа стесняется и, даже когда они с Лерой кофе пьют, пытается его рукой прикрыть. Но на подругин шнобель Лере плевать — ее другое раздражает: что вокруг Соньки вечно мужики вьются, все, как на подбор, уродские: с брюшком, залысинами и золотыми перстнями. И подруга не только сама их привечает, но еще и пытается «лишних» Лере подсунуть. Так что приходится разгонять. Не потому, конечно, что мужик — это плохо. Просто уровень Сонька выбирает не тот. Уж учит ее Лера, учит: «Потерпи, Сонька, не трать силы на этих уродов! Мы ж скоро совсем другую планку возьмем!» Но разве подругу уговоришь? Она сегодняшним днем живет. Или не верит, что будущее их обеих ждет самое восхитительное...

Лера поклонение сильного пола, конечно, тоже принимала с удовольствием. Но только — поклонение, ну, или, может быть, скромный поцелуй. Застыла, как смеялась Сонька, на «школьном варианте» — когда посвящают поэмы и пишут на стене противоположного дома о том, что она — самая красивая девушка в мире. Хоть все и считают ее овцой — глупышкой, она-то понимает: *чис-тый* продукт ценится куда выше, чем с брачком. Это как в банке: если у тебя кредитная история идеальная, то и ссуду дадут, и любые гарантии. И *купают* в свое время за огромные деньги. А если про тебя, как про Соньку, всем известно, про миллион твоих убогих золотоперстных

папиков, то кому ты нужна, кроме очередного старого да лысого?

И пусть Лере пока не дарили ни шуб, ни золотых колечек, пусть не возили на «Мерседесах» — она не жалела. Скучно, конечно, вечерами с мамашкой перед телевизором сидеть, но есть в ее воздержании и плюсы. Во-первых, никто тобой не командует. А во-вторых — бояться нечего. Ни того, что мужик твой с левой ноги встанет и фингал накануне важного показа организует, ни даже более прозаических вещей. Вон, перед поездкой в Италию надо медосмотр пройти — так Сонька вся извелась. Трясется, что заставят кровь сдавать и врачи в ее анализах найдут какую-нибудь дрянь, из тех, что мужики перетаскивают. А Лере — бояться нечего. Максимум, что доктора обнаружат, — повышенный гемоглобин, потому что она для цвета лица много гранатов ест.

— Скучная ты, Лерка, — морщится Соня.

Может, и скучная. Зато она готова к тому, что ее жизнь будет идти только по восходящей. И что приятных и волнующих событий в ней с каждым днем станет происходить все больше и больше.

Дмитрий Полуянов

Пирожки в редакционном буфете — высший класс. На всю Москву лучше только в историко-архивной библиотеке, где Надька Митрофанова работает. Он набрал целую гору: и с грибами, и с капустой, и с курагой, и с маком. Поставил тарелку на стол, а сам за кофе пошел. Кипяток в заведении посетители наливали собственноручно, из пятиведерного самовара, причем в граненые стаканы. Буфет редакции «Молодежных вестей» являл собой чудом сохранившийся заповедник советскости — однако советскости не нарочитой (как в «Петровиче» или петербургской «Пропаганде»), а самой что ни на есть натуральной.

— Я тему придумал, — сказал Полуянов, подсаживаясь к столику. — Могу подарить.

— Н-ну? — кокетливо пропела юная Кирочка, которую Дима сегодня выманил на обед.

— Составить рейтинг московских пирожков.

Кирочка немедленно задумалась, долго морщила лобик и, наконец, изрекла:

— Пи-ирожки-и?.. Интересно, конечно, но это не по нашему отделу. Я ведь все-таки не ресторанами занимаюсь, а светской жизнью.

— Как это не по вашему?! — с горячностью возразил Дима. И начал на ходу фантазировать: — Шире, Кирочка, надо мыслить. Можно знаешь какую кампанию именно про светскую жизнь забабахать? Допустим, сегодня ты идешь в гости к Маше Мироновой. Она угощает тебя собственноручными пирожками, попутно дает тебе интервью, а под конец вызывает на кулинарное состязание еще одну светскую героиню. Ну, например, Ольгу Познизову. Назавтра ты идешь к Познизовой, та тоже тебя кормит — а потом передает «пирожковую» эстафету Мордюковой... И — полетели! Все выше и выше, до самой Пугачевой, а то и до жены Путина. А?! Каково?

Кирочка насупилась. Кажется, она всерьез обдумывала сделанное в порядке бреда полуяновское предложение. Наконец сказала:

— Да наши звезды все равно никаких пирожков не пекут. Им домработницы готовят.

— Ну, как хочешь, — легко согласился Дима. Он уже сжевал пару пирогов, а Кирочка только булочку с маком общипала. — Да ты ешь, давай, ешь! А то сил на светскую жизнь не останется.

— Что ж, могу. Проблемы с фигурой мне пока не грозят, — с важностью проговорила юная корреспондентша и откусила добрый кусок от булочки.

Полуянов, прищурясь, поглядел на нее через стол. Ведь дура душой, даже странно, что такую толоконную

деваху в известную газету взяли, и далеко не красавица, и одевается никак — а все равно при взгляде на нее Дима ощущал приятное щекотание внизу живота. Хотелось ему эту Кирочку немедленно завести куда-нибудь в темный угол, и... Магнетизм какой-то.

— Давай, Кирюшка, мы с тобой куда-нибудь сегодня ходим? А то что мы все в буфете да в буфете, — послал пробный шар Дима. — Попьем пивка, я тебе других разных тем напридумываю. Поучу секретам журналистского мастерства...

Последнее предложение прозвучало сугубо двусмысленно.

Кирочка изучающе посмотрела на Полуянова. Загадочно улыбнулась. Соблазнительно облизнула с губ крошки. Но все-таки сказала:

— Сегодня я не могу. Меня редактор на премьеру «Авантюристки» гонит.

Странно, но когда Кирочка «ушла в кусты», Полуянов испытал не разочарование, а облегчение. «Ну, и слава богу. Проблем меньше. Так, на самом деле, уже надоело — сначала нужно распушить перья, затем напавание объекта, уговаривание, потом — при наиболее благоприятном раскладе — возня в постели. И непосредственно после секса, а особенно наутро — разочарование и оттенок стыда, той или иной густоты...»

«Что это со мной? — спохватился Дима. — Старею, что ли?»

— Эх, жаль, что ты занята, — вздохнул он вслух. — А то ведь могла доброе дело сделать. Человека спасти.

Он послал Кирочке загадочный взгляд и закончил:

— Я ведь, к сожалению, тяжело болен.

— Чем?! — испугалась девушка.

— У меня, видишь ли, мидл-лайф-крайзис.

— Как?

— Не волнуйся, это, конечно, болезнь — да не совсем. Ни воздушно-капельным, ни даже половым путем не

передается. У меня — душевное страдание. Называется «кризис середины жизни». Мне ведь скоро тридцать, знаешь ли...

— Ну и что, что тридцать? Не семьдесят же!

— Как — ну и что? Как — ну и что? Все самое интересное уже позади, и старость не за горами...

— Старость у всех не за горами, — вздохнула двадцатилетняя Кирочка. — И у меня тоже.

— Ну, я, во-первых, старше тебя на целое поколение, ты еще в детский сад ходила, когда я уже Сартра читал, — начал разливаться Полуянов. — А во-вторых, земную жизнь пройдя до половины и осмысляя пройденный путь, начинаешь задумываться.

— О чем?

— О тщетности жизни вообще и собственных усилий в частности.

— Ой, Дим, о чем ты говоришь! Это у тебя-то — тщетность?! Ты ведь такая звезда! Сенсации одну за одной выдаешь. У тебя даже книги выходили!

— А что толку, — вздохнул Дима.

«Байроновский тон иногда удивительно воздействует на девушек. И многие из них обожают протягивать руку помощи, спасать, вдохновлять на подвиги. Иначе как объяснить, что девицы в таких безразмерных количествах сохнут по разным алкашам, наркошам и психам? Может, и Кирочка из породы жалостливых? Из «спасательниц»?»

— Сегодня — сенсация, — чайльдгарольдовски изрек Дима, — завтра — «гвоздь», а жизнь-то проходит...

Хоть и не всерьез произносил он свои сентенции, а чтоб на девушку впечатление произвести, все равно мысли, которыми он сейчас, в полушутейном разговоре, делился с Кирочкой, ему невольно в голову закрадывались — и с каждым днем все чаще. Особенно по ночам.

Дима вспомнил, как он сделал свой «гвоздь» — когда они с Татьяной Садовниковой в переделку на рейсе два-

дцать три — пятнадцать попали¹. Тогда родная газета его репортаж из номера в номер печатала, с продолжением, телевизионщики интервью брали, денег появилось море — и казалось, что дальше его ждет новая, особенная, необыкновенная жизнь: вся такая лучезарная, в блицах, софитах и смокингх. Ан нет. Ничегошеньки тебе подобно. Эхо от сенсации улеглось, да гораздо быстрее, чем думал Дима, другие герои пришли ему на смену, иное стало забавлять публику — а он? Что оставалось ему? Опять, изо дня в день, ходить на работу, терзать клавиатуру, заниматься унылой поденщиной.

Затем, спустя пару лет, история повторилась — когда благодаря его стараниям кандидата в премьер-министры не только со всех постов сняли, но даже посадили². Полуянов опять пожинал славу: заголовки, фото, интервью. Все дни были расписаны: в час — интервью у него берет «Евроньюс», в три — Си-эн-эн, в четыре — программа «Время». А многим еще и отказывать приходилось! И что же: та его слава продолжалась еще меньше. Неделю, и все. Потом случились новые сенсации, катастрофы, светские сплетни, и о Полуянове опять забыли — прочно и, казалось, навсегда.

— Только и остается, — вздохнул он вслух, рисуясь перед Кирочкой, — тащить свой воз, тянуть лямку, выдавать положенные тысячи строк...

— И все равно ты необыкновенный, — возразила Кирочка, и внутри Димы от ее комплимента все аж

---

¹ Подробнее об этих приключениях Дмитрия Полуянова и Татьяны Садовниковой можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Отпуск на тот свет», издательство «Эксмо».

² Эти перипетии из жизни Димы описаны в романе Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех», издательство «Эксмо».

всколыхнулось. Но потом девушка вздохнула и печально добавила: — Не то что я.

Вот дурында! Она, похоже, вовсе не собирается его утешать, а сама на утешение и жалость напрашивается. Но уж этого Кирка от него шиш дождется. Да и вообще, трезво подумал Полуянов, нужна ли ему эта девица? Стоит ли продолжать с ней игры? На самом деле таких журналисточек он знал как облупленных. Слишком уж они предсказуемые — эгоцентричные, самовлюбленные, «все такие порывистые»...

— Будут у тебя, Кирюшка, еще, как американцы говорят, твои «пятнадцать минут славы».

— Ты уверен?

— Сто пудов, — буркнул Дима, закругляя разговор и откусывая целых полпирого с курагой, чтобы забитый рот не дал возможности продолжать дискуссию.

Обед несостоявшиеся любовники завершили в молчании и, холодно распрощавшись, разошлись по своим кабинетам.

Оставшись один, Дима пропел недурным баритоном: «Была без радости любовь, разлука будет без печали...» А потом с тоской подумал: теперь перед ним во весь рост встал вопрос — чем занять вечер? Тупо, в одиночку, торчать у телевизора с DVD-плеером? Накачаться пивом в мужской компании? Созвать друзей, опять же, мужеска пола, на преферанс? Но ни первое, ни второе, ни третье не прикалывало — а дежурной цыпочки у него в данный момент не было. А цыпочка *потенциальная*, Кирка, — жестоко обломала... Что оставалось делать?

«Позвоню-ка я Надюхе, — вдруг решил он. — А что? Это мысль. Старый боевой товарищ, умная баба. И никакого намека на секс. Да и черт с ним, с сексом. Просто посидим, потреплемся, расскажем друг другу новости... Да и совестно, право. Тыщу лет ей уже не звонил, а еще другом детства называюсь...»

Надя Митрофанова

Жизнь шла наперекосяк, и почему так не везло — непонятно.

Она ведь совсем не крокодилина. Не фотомодель, конечно, но внешность приятная, и фигура нормальная — приятной полноты, это сейчас стало модно. И уж тем более не дура: институтские преподаватели когда-то все уши пропели — и о потенциале говорили, и о грядущей удачной карьере. Но только никудышные из учителей вышли пророки — великого будущего Надя Митрофанова так и не дождалась. И от этого было ужасно горько.

Ей двадцать семь. Возраст, когда ученые — защищают кандидатские диссертации, менеджеры — получают в свое распоряжение первых подчиненных, а талантливые актрисы — начинают сами выбирать, в каких им фильмах сниматься. Ну и, конечно, все девушки к двадцати семи уже давно отыграли свадьбы, а то и принесли из роддома по хнычущему свертку. А она, Надя, до сих пор на бобах. Работает — на бросовой должности в библиотеке, живет — одна. (Любимая таксочка, Родион, будни, конечно, скрашивает, но на настоящую родственную душу все же не тянет.) И, главное, нет ни малейших перспектив, что ее жизнь хоть когда-то изменится. Ну, допустим, назначат ее заведующей залом — и что? Станут чаще «на ковер» вызывать да обязанностей навалит два воза. А прибавка в пятьсот рублей в месяц при современной жизни большой роли не играет.

С личной жизнью — тоже полный застой. О том, что надо бы замуж, Надя начала задумываться лет с двадцати, но только в ЗАГС ни с кем так и не сходила. Все что-то нос воротила, выбирала, придиралась: тот не такой, этот не сякой, вдруг завтра кто получше на горизонте появится? Последний пример — Сашка. Вроде бы всем хорош. И при должности, и при внешности, но скучный — до старческой мигрени. А уж предсказуемый ка-

кой! Надя, например, всегда *знала*, какие цветы он подарит (весной, ясное дело, мимозы, а розы — только летом, когда на них цены падают). И куда позовет — если в кино, то именно на тот фильм, о котором в «Молодежных вестях» давеча положительная рецензия была.

— Ничего ты не понимаешь: такие зануды для семьи — самое оно, — консультировали Надю коллеги из библиотеки. — Из них отцы хорошие получаются.

Но только стоило представить семью с мужем-Сашкой, у Митрофановой от тоски сразу начинало зубы ломить. И Саше она отказала. Решила еще подождать. Все надеялась, что женихов в ее жизни встретится немало. Однако под глазами уже первые морщинки стали появляться — а замуж она так и не вышла...

Надя старательно изображала, будто все у нее в шоколаде. Говорила, что в современной жизни семейные ценности уже не котируются и что лучше быть одной, чем рядом с кем попало. И никому никогда не признавалась, до чего же ей надоело: каждый вечер ехать из *тихой* библиотеки в *вечно тихую* квартиру.

— Ты, Надька, пластифицировалась, — как-то пошутил ее приятель Дима Полуянов.

— Ты имеешь в виду, остановилась в развитии? — холодно уточнила она.

— Нет-нет, ни боже мой, — испугался Димочка (он хоть и охальник, а краснеть еще не разучился). — Я не хотел тебя обидеть. Просто жизнь твоя уж по такой накатанной колее идет... Как тебе только не скучно: библиотека — дом, дом — библиотека?.. А всех развлечений — Родиона к ветеринару возить! Ты в ночные клубы, например, ходишь? Хоть иногда?

— Угу, — кивнула Надя. — Пять раз в неделю.

— Да ладно, — не поверил Димка.

— А оставшиеся две ночи — провожу в казино, — грустно усмехнулась она.

— А, так ты шутишь... — снисходительно хмыкнул Димочка.

...Дима Полуянов был сыном маминой коллеги. Начинали с того, что Дима (старше Нади на пару лет) помогал ей лепить куличики из песка. Потом произошла парочка поездок на отечественные курорты — мамы шептались на лежаках, Надя с Димой — болтали или дрались у кромки моря. Дальше последовали школы — разумеется, разные, потому что в Москве такого сроду не бывает, чтобы коллеги по работе еще и жили друг от друга поблизости.

Поэтому встречи становились все реже, тон Димы — он уже превращался в подростка — все снисходительнее. А когда поступили в институты — пути и вовсе разошлись: Димка попал на блестящий и богемный журфак, Надя — поступила в скромный библиотечный.

Пару лет назад их дороги все же пересекались¹, и Надя очень радовалась, что они с Димой, как и в детстве, понимают друг друга с полуслова. И даже, дура, надеялась, что это их понимание перерастет во что-то большее, — но, увы, совместные дела кончились, и Дима снова исчез. И теперь, как ясно солнышко, появлялся на ее горизонте раз в несколько месяцев, выводил в бар, покупал дорогой коктейль, хвастался своими успехами... А потом подвозил ее до дома — и снова исчезал в своей интересной, насыщенной жизни.

...Их предыдущая встреча состоялась, Надя для интереса подсчитывала, девяносто три дня назад. Тогда, помнится, Димка хвастал командировкой в горячую точку и премией «Золотое перо», а она — радовалась за него и всячески нахваливала.

...А сегодня Полуянов опять позвонил и вытащил ее в очередной второсортный бар, и снова начал хвастаться. Весь вечер разливался соловьем, что поехал отдохнуть в Японию, и — надо же, как повезло! — подоспело шикар-

---

¹ См. романы Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех» и «Рецепт идеальной мечты», издательство «Эксмо».